Сб
Е63
05

ЕНИСЕЙ

1979

4

УЧАСТНИКИ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

Кузьма ПАТАЧАКОВ

БОРЕЦ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Первым председателем Хакасского уездного революционного комитета был Георгий Игнатьевич Итыгин. Много сил и энергии отдал он укреплению Советской власти, развитию социалистической экономики и культуры Хакасии в самые трудные для нее годы.

Г. И. Итыгин родился 2 марта 1873 года в селе Чебаки Кызыльской управы Ачинского уезда Енисейской губернии. Отец его, Игнатий Васильевич, — хакас, а мать, Матрена Сергеевна, — из русских крестьян. Родители считались оседлыми хакасами, занимались скотоводством и земледелием.

В селе Чебаки во второй половине XIX и в начале XX века находилась резиденция крупных купцов и золотопромышленников Сибири. Русские и хакасы жили смешанно. Между ними установились культурно-экономические связи и сложились добрососедские отношения.

Под влиянием золотодобывающей промышленности возникали капиталистического типа общественные отношения. Быстро происходило классовое расслоение. Заметно накапливалось богатство на одном полюсе и нищета — на другом. Имущественное неравенство в селе и других улусах оказывало определенное влияние на формирование характера юного Итыгина.

Начальное образование Георгий Игнатьевич получил в Чебаковской школе. В 1889—1892 годах учился в Красноярской учительской семинарии, которую в 70—80 годах окончили хакасы Ф. И. Коков, С. И. Аланов, М. И. Райков и другие. Учительская семинария, директором которой был прогрессивный общественный деятель, археолог И. Т. Савенков, давала учащимся хорошие знания.

После успешного окончания семинарии в 1892 году Георгия Игнатьевича направили в Шалоболинскую школу Минусинского уезда. На следующий учебный год его перевели в Усть-Абаканскую школу, где учились в основном дети коренного населения. Много сил и энергии отдает Г. И. Итыгин просвещению хакасов, внедряет в практику передовые педагогические идеи, большое внимание уделяет преподаванию общеобразовательных предметов. Он, как и его предшественник М. И. Райков, ставил вопрос о невмешательстве церкви в школьные дела, об отделении школы от церкви. На этой почве между учителем школы и священником Абаканской церкви возник серьезный конфликт. Власть была на стороне церкви. Г. И. Итыгин вынужден был оставить школу.

Начиная с 1898 года, Георгий Игнатьевич в течение ряда лет работает в разных школах Ачинского и Канского уездов, а в 1904—1913 годах в Ужурской школе. За эти годы он хорошо изучил состояние школ губернии, испытал нелегкую жизнь сельского интеллигента, глубже узнал тяжелую долю трудящихся масс, познакомился с политическими ссыльными.

Важную роль в формировании политических взглядов учителя Г. И. Итыгина сыграла первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов. Глубокое возмущение вызвало у него Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, расстрел мирного шествия петроградских рабочих. В это время он знакомится с революционными прокламациями и листовками Красноярского комитета РСДРП, которые доставлялись в Ужур нелегально. «В 1905 году, — писал Г. И. Итыгин, — я жил в селе Ужур Ачинского уезда Енисейской губернии. Весь год проходил под лозунгом «9 января 1905 года». Хотя и редко, но до нас доходили листовки, прокламации Красноярского комитета РСДРП».

Г. И. Итыгин серьезно стал вникать в революционные дела. С этой целью в 1913 году переехал в Красноярск. Вначале работает в одной из городских школ, затем — заведующим Красноярской железнодорожной школой. Ему представилась возможность познать условия жизни рабочего класса, общаться с рабочими паровозоремонтного депо и железнодорожных мастерских, близко познакомиться с революционерами, руководителями социал-демократических организаций Красноярска, принять участие в рабочем движении.

В Красноярске Георгий Игнатьевич повышает свою профессиональную квалификацию, проявляет заботу о школах губернии. По его инициативе и под его редакцией с января 1916 до конца 1917 года издается ежемесячный педагогический журнал «Сибирская школа».

В редакции журнала сотрудничали лучшие учителя Красноярска и Енисейской губернии. На страницах журнала освещались различные стороны жизни школ губернии, печатались методические разработки, советы и рекомендации, остро ставился вопрос об улучшении материального благосостояния народного учителя. Журнал воспитывал учительство в революционном духе.

Накануне Февральской революции в Красноярске сложилась сложная политическая обстановка. Когда было получено известие о свержении царизма, еще с большей силой развернулась борьба

за власть Советов. В этой обстановке Г. И. Итыгин (10 марта 1917 года) вступил в члены РСДРП(б), вел революционную пропаганду среди учителей города, стал одним из организаторов создания союза учителей-интернационалистов, выражающих интересы трудящихся масс.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Г. И. Итыгин встретил зрелым коммунистом, страстным борцом за Советскую власть. Большую работу он ведет за дальнейшее укрепление союза учителей-интернационалистов, за социалистическое переустройство работы школьной системы.

В период разгула колчаковщины, торжествовавшей свою временную победу в Сибири, в июле 1918 года инициаторы союза учителей-интернационалистов, в том числе Георгий Игнатьевич, подверглись аресту и заключению в Красноярскую тюрьму.

Г. И. Итыгин и его товарищи учителя-интернационалисты добились освобождения. Но их продолжали преследовать. Георгия Игнатьевича лишили прежней работы. Обстановка сложилась такая, что оставаться в Красноярске было нельзя. Помогли железнодорожники, определив его на станции Половинка Иркутской губернии рабочим железной дороги.

На новом месте Георгий Игнатьевич оказался в кругу единомышленников, состоявших в Черемховской партийной организации, продолжал революционно-пропагандистскую деятельность. После победы над Колчаком и восстановления Советской власти его назначили членом Половинкинского революционного комитета и начальником участкового политотдела. Принимал участие в ликвидации бандитизма в Иркутской губернии.

Осенью 1920 года Г. И. Итыгин вернулся в Красноярск на прежнюю работу. Вскоре его перевели в аппарат Енисейского губисполкома. Как знатока хакасского языка и культуры, назначили руководителем хакасской секции при губернском отделе народного образования. Одновременно возложили на него обязанности председателя губернского революционного трибунала и председателя комиссии по ликвидации бандитизма на юге Енисейской губернии.

В хакасской секции губернского отдела народного образования большое внимание уделялось открытию новых школ и учреждений культуры в Хакасии. Была создана инициативная группа по выработке хакасской письменности. В апреле 1921 года эта секция под председательством Г. И. Итыгина обратилась к хакасскому народу с воззванием, в котором разъясняла, что Великая Октябрьская социалистическая революция сбросила вековое ярмо эксплуатации, открыла путь развитию национальной культуры и призвала активно оказывать помощь и поддержку мероприятиям Советской власти. Это воззвание широко обсуждалось среди хакасского населения.

По инициативе хакасской секции летом 1921 года в Минусинске впервые были организованы трехмесячные курсы по подготовке учителей национальных школ. Прошли курсы около 20 человек. В июне—июле 1922 года состоялась конференция хакасских культпросветработников, на которой обсуждался проект хакасской письменности.

Будучи председателем губревтрибунала и комиссии по ликвидации банд на юге Енисейской губернии, Г. И. Итыгин не раз выезжал в районы действия банд, проводил политико-воспитательную работу в улусах, разъяснял политику Коммунистической партии и Советской власти, содействовал формированию хакасских партизанских отрядов в помощь воинским частям особого назначения (ЧОН). В 1924 году отряды ЧОНа с помощью местных жителей ликвидировали остатки белых банд в Хакасии. Это позволило укрепить местные органы Советской власти, обеспечило условия для нормальной хозяйственной деятельности населения.

Важным историческим событием для хакасского народа было утверждение самостоятельного административно - хозяйственного управления. В январе 1924 года образовался Хакасский национальный уезд. Этой знаменательной в истории хакасского народа дате предшествовала большая работа специальной комиссии Енисейского губисполкома.

Конкретная работа по организации уезда до создания аппарата уездного исполнительного комитета возлагалась на уездный революционный комитет. Уревкому предоставлялись права и полномочия президиума уездного исполкома. Председателем Хакасского уревкома Енисейский губисполком назначил уже проверенного жизнью и практикой революционных событий общественного деятеля, коммуниста Георгия Игнатьевича Итыгина.

Первое заседание президиума Хакасского уревкома под председательством Г. И. Итыгина состоялось 3 февраля 1924 года. Рассматривались вопросы развития социалистической экономики и культуры Хакасии. 10 февраля 1924 года прошло торжественное собрание, посвященное образованию Хакасского уезда. На собрании принимали участие представители Минусинского укома РКП(б), уисполкома, укома РКСМ, воинской части, предприятий, учреждений и общественных организаций Минусинского уезда. В торжественной обстановке председатель Минусинского уисполкома вручил Хакасскому уревкому Красное знамя, как символ братства и дружбы хакасского и русского народов.

Одновременно с уревкомом создавался партийный аппарат уезда. В связи с созданием Хакасского уезда, формированием его партийного и советского аппарата уком РКП(б) и уревком проводили большую разъяснительную работу среди широких масс трудящихся. 12 марта 1924 года Хакасский уревком опубликовал в газете «Власть труда» обращение к трудящимся Хакасии. В нем разъяснялись цели и задачи Хакасского уревкома. «Давнишняя мечта хакасов, — говорилось в обращении, — осуществилась. Советская власть этим актом выделения Хакасского уезда еще раз подчеркнула те великие, намеченные Российской Коммунистической партией цели — цели освобождения от угнетения малых национальностей. Прислушайся, хакас, к голосу распоряжения власти и поддержи ее. Этим ты поднимешь свое благосостояние и экономическую мощь Союза ССР и этим самым ты покажешь всем иностранным буржуазным государствам, в которых слабые нации безжалостно эксплуатируют-

ся более сильными, что в тесном единении, по-братски, рука об руку все народности, населяющие Союзную Советскую Республику, совместно строят свою жизнь. Не нужно забывать, что только при общей поддержке власть сумеет вывести страну, в частности, и твой край, от того разорения, в котором он находится теперь».

Обращение имело важное политическое значение. Оно было переведено на хакасский язык и распространено по улусам среди коренного населения.

Хакасский уком партии и уревком вели работу по укреплению партийно-советского аппарата и созданию промышленных очагов по социалистическому преобразованию сельского хозяйства и развитию национальной культуры. Особое внимание обращалось на рост и воспитание кадров из среды местного населения. В этой нелегкой работе Г. И. Итыгин снискал себе авторитет и уважение трудящихся Хакасии.

Много сил отдал Георгий Игнатьевич созданию хакасской письменности. Он возглавил работу комиссии по выработке хакасского алфавита и составлению учебников. Под его непосредственным руководством в 1926 году Хакасия получила первые учебники на хакасском языке, написанные местными авторами.

В национальных школах преподавание началось на родном языке. На основе новой письменности с 1 июня 1927 года стала выходить на хакасском языке газета «Хызыл аал» (ныне «Ленин чолы»).

Создание хакасской письменности, появление первых книг и газеты на родном языке явилось знаменательным событием в культурной жизни Хакасии. Была заложена основа для формирования и развития современного хакасского литературного языка и хакасской литературы, возникла возможность проводить политику Коммунистической партии и Советской власти в массах на родном языке.

Имя Г. И. Итыгина, как общественного деятеля, стало широко популярным. Он с честью оправдывал доверие партийных и советских органов. Учитывая его заслуги и организаторские способности, Сибирский крайком ВКП(б) счел нужным перевести Георгия Игнатьевича в новую должность. Ему было поручено руководить Советом просвещения национальных меньшинств краевого отдела народного образования.

К новой работе Г. И. Итыгин приступил в марте 1927 года. Его разносторонняя общественная деятельность, опыт педагогической работы, знание школьного дела и организаторские способности и здесь позволили ему энергично взяться за новое дело. Ему часто приходилось выезжать в самые отдаленные районы Сибири — Горный Алтай, Хакасию и Северные округа, — где он помогал создавать национальные школы, интернаты и различного рода курсы. Большая работа проводилась им по пропаганде педагогических знаний. Его доклады и статьи по развитию народного образования в национальных районах Сибири печатались на страницах популярного для того времени журнала «Просвещение Сибири». Только за один 1927 год он опубликовал семь статей, имеющих теоретическое и практическое значение.

Однако на новом месте ему не пришлось долго работать. Он умер 5 декабря 1928 года. Его современники справедливо отмечали, что Георгий Игнатьевич был организатором Советской власти в далеких культурно-отсталых окраинах, заслуженным бойцом-просвещенцем, отдавшим много сил и энергии делу народного образования национальных районов Сибири.

Эразм
СИБИРСКИЙ

АРЕСТ ЕГОРА ИТЫГИНА

Последние дни июня и начало июля 1918 года ознаменовались в Красноярске массовыми арестами коммунистов и всех им сочувствующих; облава за облавой обрушивались на Николаевскую, Алексеевскую слободы и Тарakановку, где обитал красноярский пролетарий.

Георгий Игнатьевич почти совсем перестал показываться днем во дворе школы. На все приглашения Юницкого пойти прогуляться по улицам города он отвечал отказом, хмуро глядя в подернутое злой усмешкой лицо своего бывшего подчиненного и коллеги по работе.

«Этот подлец все-таки рано или поздно выкинет какую-нибудь штуку со мной», — думал он в моменты встречи с Владимиром Альбиновичем.

Вечером первого июля Вера Моисеевна с Бориской и Аграфенушка сидели на заднем крылечке школьного общежития. Обе женщины молчали, не хотелось говорить, бередить душу: все и так было ясно, давно обсуждено и переговорено. Остается ждать скорой развязки... Но какой?

Василий Васильевич Климовский, учитель школы, увидев сидящих, пригорюнившихся женщин, крикнул им из окна второго

этажа, как раз находившегося над крылечком:

— К вам можно, Вера Моисеевна, что-то важное хочу сказать?

— Спускайтесь, Василий Васильевич, — ответила Итыгина.

— Ох, знаете ли, думаю я над этим самым каждый день, — начал подошедший Климовский. — Думаю, почему Георгий Игнатьевич не уехал из Красноярска, а? Ведь это было бы лучше для всей вашей семьи. Я знаю, что у него много родных и знакомых в Ачинске, и в Минусинске, и вообще в деревне. А как показывают последние дни, милиция и другие органы Временного Сибирского правительства работают похлеще царских администраторов. От господ Коротковых не скоро вырвешься — лиха беда попасть им в лапы.

— Я его просила тысячу раз уехать. Но разве его уговоришь: он же упрям, раз сказал — то точка! Да вы, Василий Васильевич, и сами хорошо знаете! — и она, грустно покачав головой, безнадежно махнула рукой в сторону квартиры.

Около трех часов дня 2 июля в ворота Первой школы въехала пара гнедых лошадок, запряженных в щегольскую пролетку, принадлежавшую начальнику первого отделения милиции города поручику Короткову.

Кучер, сделав полукруг, остановился у крыльца общежития учителей, где в этот момент сидел Климовский, куривший махорочную «козью ножку».

Плотный, подвижный поручик легко выпрыгнул из пролетки; на нем была зеленая летняя форма с вышитыми погончиками, на фуражке виднелась эмблема сибирских областников — бело-зеленая ленточка, косо срезанная.

Не успел Василий Васильевич ответить на вопрос «Где тут квартира Итыгина?», как Георгий Игнатьевич сам появился на пороге.

— Кажется, вы Итыгин и есть? — бросил сквозь зубы Коротков.

— Да, это я и есть!

— Тогда соблаговолите пройти со мной в вашу квартиру.

Усевшись в единственное небольшое креслице у рабочего стола бывшего редактора и издателя «Сибирской школы», поручик, окинув быстрым взглядом комнатушку, достал из бокового кармана френча ордер на немедленный арест Итыгина, где бы он ни находился и в каком бы состоянии ни оказался.

— Вот-с ордерок на ваш арест, подписанный самим господином губернским комиссаром Козьминым! Скажите, пожалуйста, а когда вы успели вернуться из Чебаков?

Вот как записал в своем дневнике Георгий Игнатьевич продолжение этого разговора с Коротковым:

«Картина с арестом сразу же прояснилась для меня: доносчик базировался на том, что по логике событий я должен был непременно уехать из Красноярска и скрыться в деревенской глуши. Основательность таких соображений и заставила, видимо, губернского комиссара не откладывать в долгий ящик мой арест. Вот тебе и твой бывший сотрудник «Сибирской школы», постоянный корреспондент, профессор Иркутского университета и хранитель тамошнего музея господин Козьмин!

Я попросил разрешения переговорить по телефону с губернским комиссаром о причинах его распоряжения о моем аресте. Коротков разрешил, но с оговоркой, что я могу говорить только в его присутствии.

— Разрешите спросить, кто у телефона?

— Я — губернский комиссар Козьмин!

— Скажите, пожалуйста, Николай Николаевич, за что я арестован, в чем дело?

— А вы кто такой?

— Я — Итыгин.

— А... а... а... — и телефон умолк.

«Какая же ты человеческая дрянь, господин Козьмин! — невольно пришла мне в голову такая мысль. — Значит, все у них было решено заранее...»

Легкая пролетка и пара гнедых быстро доставили арестованного Итыгина в первое отделение милиции, что было на Новобазарной площади. Проходя через приемную, он заметил там сидящих на скамье старых своих друзей Кошуро и Ишутина — железнодорожников; возле них стоял часовой с винтовкой.

Коротков, резко повернувшись на каблуках, подскочил к Кошуро:

— А-а-а! — взревел он. — Скажи-ка, Кошуро, кого ты хотел вешать на каждом телеграфном столбе в Николаевке?

— Да я ничего такого никогда и не говорил, гражданин начальник. Это же ложное обвинение на меня, поклеп какой-то!

— Ложное! — еще более кипятясь, крикнул поручик и принялся материться. — Вот кого надо вешать в первую очередь — железнодорожничков, всех перевешать! Мерзавцы!

Всех троих оставили ночевать при первом отделении. К их удивлению двери арестного помещения оставались открытыми, не видно было и часовых, только по внутреннему дворику порой прогуливались милиционеры. Казалось, что арестованным преднамеренно дают возможность бежать и скрыться. Кошуро высказал товарищам свое предположение, что это не что иное, как ловушка, придуманная господином поручиком Коротковым: убит, мол, при попытке к бегству. Это способ отделаться от заключенных давний и проверенный.

Лежа на нарах, они тихо обменивались впечатлениями прожитого дня.

— Я, братцы, думал, что поручик лучше знает свое дело, а оказалось наоборот. Сидел в моем кабинетике, разглагольствовал, а даже поверхностного обыска не сделал, — стал рассказывать Георгий Игнатьевич. — А у меня, тут же на столе, лежал под пресспапье партийный билет...

Поговорив, они еще долго ворочались на жестких нарах; последним заснул Георгий Игнатьевич, его охватывало какое-то чувство неудовлетворенности собой, что-то он там дома оставил, чего-то недоделал.

Утром двое милиционеров повели их в тюрьму. Был какой-то праздник. На углу Благовещенской улицы и Плацпарадного переулка виднелась небольшая группа горожан, в которой Георгий Игнатьевич распознал супругов Громчевских, Иконникова, Юницкого и других. Громчевский заведовал Первой городской начальной школой, считался хорошим опытным педагогом, в политику не вмешивался, а больше «обретался» возле жены — одной из красивейших женщин города, избалованной и кокетливой.

Показался наконец и сам централ.

В приемной милиционер сдал подопечных с рук на руки, но потребовал, чтобы тюремный чиновник расписался в разносной карте: такой порядок существовал от века при сдаче и приеме чего-либо по казенной надобности. Теперь каждый из них получил свой порядковый номер и превращался в безликого арестанта.

— По-одному в затылок арш!— скомандовал теперь уже новый разводящий, и арестованных повели.

«Сначала открылась дверка калитки ворот, сделанных из толстого листового железа, — писал в дневнике Итыгин. — Новые запахи, глухой шум тюремного двора, торчащие в окнах и дверях коридоров лица и головы заключенных — все это вначале просто ошеломило. Вдруг произносят фамилию «Итыгин».

— Итыгина, заведующего школой привели. К нам их ведите, к нам!

Заскрипели большие решетчатые двери камеры в ржавых блоках, лязгнул засов, звякнули ключи, и мы оказались в камере № 1 третьего коридора. Она была полна, в ней сидели уже 12 человек; размеры же были невелики: сажени три в длину, две с половиной в ширину, вдоль трех стен тянулись грубые сплошные нары, четвертая сторона была свободна, так как в ней находилась широкая дверь из камеры в коридор, сделанная из толстенных железных прутьев, собранных в решетку; справа от двери в углу, возле ног крайнего лежащего на нарах, возвышалась параша, прикрытая толстой грязной тряпкой...

Осмотрелся: знакомых, близких лиц не было. Когда немного устроились на новоселье, к нам подошел и присел на нарах невысокий, чисто выбритый человек, с большой залысиной, но седых волос заметно не было. Он оказался Иваном Михайловичем Шапиро, старостой камеры. Кроме Шапиро в камере помещались Гавриил Гольденберг, Эмиль Ковач, чех по национальности, Федор Гончарский — старший, которого я мало знал, Ишутин, Кошуро, а остальных не упомню, тем более, что они вскоре заменились другими.

Первый вечер прошел в вопросах и ответах. Беседа мне показала, что тюрьма знала гораздо больше, чем улицы города, и не только об одних городских новостях, но и о всем том, что происходило в Сибири.

Впервые в жизни я заснул на тюремных нарах.

«Да, — думалось мне, — не миновала и меня «чаша сия».

Но спал ли я в ту ночь? Точно не знаю: мысли проносились в голове. Их было так много...»